

E. Mari (a cura di), *Una romanza crudele. Estetiche e politiche del folclore nella Russia del '900*, Pacini Editore, Ospedaletto-Pisa 2023 (= Percorsi di antropologia e cultura popolare), pp. 295.

Выход книги Мари – значительное событие, в особенности важное для формирующихся молодых поколений славистов, поскольку выстраивает панораму методов и подходов прежде не привлекавших внимание в Италии, разработанных русскими фольклористами XX века. Эти работы и вступительная статья Э. Мари открывают пути к богатому материалу – пограничным, динамичным формам полугородского фольклора.

Предшествующий опыт в этой сфере – раздел *Post-folklore. Per un'etnografia della città contemporanea*, a cura di Emilio Mari – издание переводов русских статей в "eSamizdat", XV (2022) – посвящен позднему периоду и имеет менее концептуальный и фундаментальный характер, чем рассматриваемая книга.

Новый том одновременно ставит целый ряд задач: показать развитие новых фольклорных и полу-фольклорных форм в XX в., продемонстрировать эволюции методов русско-советской фольклористики, обращенной к этому материалу, показать роль власти в этих процессах.

Новые фольклорные явления, которым посвящена книга, получают стимулы к развитию в процессах радикальных, социальных и экономических изменений, в период после реформ 60-х гг. XIX в. прежде всего – в широкой пролетаризации крестьянства, перемещении в город, расширении слоев городского, полугородского, сельского населения с неустойчивыми переходными изменчивыми формами самовыражения. Революция резко усиливает все эти процессы. Эмилио Мари во вступительной статье бегло касается социально-экономического и исторического фона новых явлений, с тонкостью характеризует возникшие новые формы фольклорного творчества – полу-индивидуального полу-традиционного, неустойчивого, склонного черпать из письменной литературы, но опирающегося при этом на некие свои эстетические каноны.

Переход от фольклористики XIX века к фольклористике XX в предисловии в общих чертах представлен как переход от романтически славянофильского видения патриархального крестьянства как цельного единого носителя творческой способности к позднему смещению внимания к пролетариату как носителю новых традиций. Эти новые тенденции в фольклоре могли восприниматься в начале XX в. как деградация теми фольклористами или просто публицистами, кто ориентировался на основной корпус 'классического' фольклора в записях XIX–начала XX века. Сборник Э. Мари открывается статьей Д.К. Зеленина, дающей научное

филологическое освещение происходящим на рубеже XIX-XX вв. процессам не деградации, а эволюции жанров (речь идет о частушке) – замечательный выбор, свидетельствующий и об интуиции составителя, и об его ориентированности в русской фольклористике и этнографии XX в., для которых Зеленин остается одной из центральных фигур.

Мало кто из русских этнографов-фольклористов подходит так хорошо как Зеленин для задач Эмилио Мари – прочесть русские исследования в ключе итальянской демологии (*demologia*) вскрыть их ресурсы для использования в *Cultural Studies*. В первый дореволюционный период своей научной деятельности Зеленин создал метод исследования народной культуры в синхронном срезе и в привязанности к территории, опирающийся на комплекс данных – лингвистически-диалектных, фольклорных, этнографических, социально-исторических. Он считал, что только на такой основе можно делать обобщения и реконструкции и отвергал тенденцию старой фольклористики искать идеальные формы в условно реконструируемых архаических стадиях. Отсюда его неприятия идеи деградации фольклора и оптимистический взгляд на будущее созревание находящихся в переходной фазе фольклорных форм.

Как ученый для которого господствующими являются данные полевых исследований, Зеленин свободен от предубеждений, готов противоречить любой установившейся схеме, даже своей собственной. В статье о частушке он хоть и говорит о принадлежности этого жанра к новой фазе фольклора меняющегося общества, но замечает, между прочим, что частушка вполне употребительна в деревне, у патриархальных крестьян, и даже намекает – храбро для своего времени, ведь краткий бесцензурный период еще не наступил – что частушка не чужда непристойности.

Только в работах действительно бесцензурного периода – в 90-е годы XX века – будет представлено значение обценной тематики и лексики для русского фольклора. (Автору этой рецензии пришлось в первой половине 80-х годов разговаривать в приволжской деревне с пожилыми крестьянками, которые на просьбу напеть частушки, отвечали, что они хоть и знают частушки, но для исполнения нужна водка и нельзя при этом присутствовать девушкам-студенткам).

В книге Эмилио Мари представлено диалектическое отношение между идеальным корпусом патриархального или национального фольклора, каким он видится старым славянофильским фольклористам или советским властям, и изменчивыми промежуточными пограничными формами самовыражения новых городских слоев или деклассированных элементов.

Наиболее интересная часть сборника – статьи периода 20-х годов, вскоре после революции, когда молодые фольклористы с энтузиазмом в условиях еще относительной идеологической свободы начали работать над исследованием субкультуры, описывая творчество улицы, блатной фольклор и тому подобное (некоторые из работ такой тематики вошли и в предшествующее собрание).

Здесь позволим себе реплику в защиту мнений публикуемых авторов – Владимира Зельцера, Павла Соболева, чью тенденцию переносить взгляд на XVIII век в поисках корней, и аналогов изучаемых явлений Мари ставит под сомнение (с. 13). Между тем сам классик формализма – чей авторитет непререкаем для итальянских русистов – в этот же период конца 20-х годов обращается к XVIII веку, поскольку формы – пограничной городской и полу-городской народной культуры, которые вышли на поверхность в 1920-е годы, были весьма релевантны и для печатной продукции XVIII века – например репертуар городских песен мещанства в сборниках Чулкова или некий аналог блатного репертуара – в сборниках песен Ваньки Каина. Об этой продукции пишет В. Шкловский в книге: *Матвей Комаров житель*

города Москвы (Ленинград 1929). Явлений народной городской культуры XVIII-XIX вв. касалась книга Т. Грица, В. Тренина, М. Никитина *Словесность и коммерция*, вышедшая в том же 1929 г. под редакцией В. Шкловского и Б. Эйхенбаума.

Исследования форм городского фольклора и воровского, блатного языка, проводившиеся в новых послереволюционных условиях, на определенном этапе привели к необходимости углублять историческую перспективу. Так Д.С. Лихачев, освободившись из заключения в Соловецком лагере, опубликовал в журнале “Язык и мышление” (1935, 3-4) статью о традиционности форм воровского жаргона: *Черты первобытного примитивизма воровской речи*.

Следующая группа статей, приведенных в сборнике, принадлежит времени после ‘Великого перелома’ 1929 г., когда задачей тоталитарной власти становится не только пересмотр фольклорных и литературных канонов, функций фольклористики, но и радикальное преобразование структуры общества и человека.

Выбор статей и освещение, которое дает им составитель, имеет отношение к теме положения гуманитарных наук в новый период и о роли власти в руководстве ими.

Представленные статьи и высказывания о фольклоре связаны с событием исторического и политического и не чисто научного значения, интересным для современных Cultural Studies: Дискуссия о сущности и задачах фольклора в Ленинградском институте речевой культуры 11 июня 1931 г. – которая тогда ж была освещена в публикации А.М. Астаховой в журнале “Советская этнография” (1931, 3-4) и с последующий реакции на эту дискуссию (В.М. Жирмунский, Ю.М. Соколов. М.К. Азадовский, А.М. Астахова).

В этом разделе стоило бы более диалектически соотносить приводимые высказывания с политической ситуацией и опираться на более широкие знания о выступавших – об их научной биографии и об истории их отношений с тоталитарной властью. Это тем более необходимо, что участники дискуссий – М.М. Жирмунский, Ю.М. Соколов. М.К. Азадовский, А.М. Астахова – крупнейшие представители русской фольклористики и гуманитарной науки вообще в XX веке – энциклопедические ученые академического склада, с широким ‘буржуазным’ образованием, отнюдь не пролетарским прошлым, нужно ставить себе вопрос, на каком языке – в семиотическом смысле – они говорили в сложившихся условиях.

Дискуссия о фольклоре и фольклористике проводилась в период, когда подошло к концу начатое в 1929 году ‘академическое дело’, сфальсифицированное ОГПУ и направленное против академической гуманитарной науки. Следствие охватило более 100 человек, которые обвинялись в намерении свергнуть советскую власть и подвергались жестоким допросам; в 1930 году к ученым академического плана были присоединены краеведы – специалисты на местах (краеведение начало формироваться в России после реформ 1860-х гг. и достигло существенного развития и научного значения, оно соотносимо по задачам и методам деятельности с демологией). Ко времени интересующей нас дискуссии уже выносились приговоры, за пять дней до нее 5.6.1931 пять краеведов были приговорены к расстрелу. (По ‘делу краеведов’ и ‘академическому делу’ существует теперь обширная литература). В дальнейшем последовали другие приговоры, гуманитарные науки были подавлены, а русское краеведение – разгромлено. Дискуссии о задачах советской фольклористики – как пишет в отчете Астахова – проводились в Москве и в Ленинграде с апреля по конец июня 1931 г. В интересующей нас дискуссии в Ленинграде 11 июня участвовал академик С.Ф. Ольденбург, неприменный секретарь Академии наук с 1904 по 1929 г., который был намечен к аресту по ‘академическому делу’, но вычеркнут из списков.

Тексты статей сборника, созданные после ‘великого перелома’, после ‘академического дела’ и ‘дела краеведов’ нуждаются в специальных методах дискурсивного анализа, только

при условии такой предварительной работы можно будет соотносить их с социальными теориями и связывать с тенденциями западной фольклорно-этнографических наук того времени или последующего. Позволим себе сравнение слишком, может быть, жестокое: можно извлекать политические учения даже из материалов политических процессов середины 30-х годов, но для этого требуются сложнейшие предварительные усилия по анализу рассматриваемых документов.

Характерна одна спорная интерпретация, введенная в текст примечания во вступительной статье: Ольге Фрейденберг (специалистке по античности и архаическому фольклору) приписано такое определение: “*definì letteralmente il folclore come sostanza storica indigesta*” (с. 16), которое Эмилио Мари соотносит с терминологией Грамши. Фрейденберг (судя по отчету Астаховой, с. 240) говорила что-то гораздо более запутанное – “остатки непереваренной исторической пищи” – относится к классовой литературе ‘мелкой буржуазии и мещанства’ которая сбрасывается низам общества в поздний период и содержит какие-то испорченные реликты фольклора.

Помещенные в конце сборника справки об исследователях, чьи работы в нем представлены, кажутся слишком короткими. Хотелось бы, чтобы такие справки поподробнее представляли содержание деятельности и методологические позиции ученых, комментируя и обогащая картину истории науки. Но, разумеется, нельзя упрекать автора-составителя, что его новаторский взгляд и пионерский подход не охватывают сразу все необъятные горизонты русского фольклора и фольклористики.

М.Б. Плеханова